

— Забыть — не беда, я помню тебя. Если ты придёшь, я непременно узнаю тебя.

Долгое время длилось молчание, прежде чем Тань Чжан тихо спросил:

— Но когда же ты вернёшься?

В императорской гробнице царили тишина и покой, ответа ему не было.

— Если слишком поздно, то лучше и не приходи. Я состарился, боюсь, буду некрасив, — Тань Чжан, ничуть не смущаясь, продолжал говорить сам с собой. Кажется, он усмехнулся и произнёс еле слышно:

— Ты же бессмертный, твой облик наверняка совсем не изменился. Я буду несказанно рад.

Цзи Цинбай чувствовал лишь смятение в своей душе. Он смотрел, как Тань Чжан протягивает руку и снимает с гробового помоста поминальную табличку.

Надпись на ней была сделана рукой императора.

Всего три иероглифа: «Цзи Цинбай».

* * *

На шестьдесят втором году правления под девизом Цзинфэн в династии Да Юань император скончался одним утром. Поскольку у владыки не было потомков, трон унаследовал какой-то князь, вынырнувший из глухого захолустья, чьё родство, если копнуть глубже, было примерно таким же близким, как у двоюродных братьев, между которыми восемь колен разницы.

Душу-око Цзи Цинбая вытащил из Нижнего мира Бай Чао, иначе он мог бы оставаться на страже в императорской гробнице вплоть до полного рассеивания души и угасания духа.

Небесный журавль всё же не был столь бесчеловечным. Он достал из рукава нитку чёток и протянул её Цзи Цинбаю.

— Эту вещь я поднял для тебя. У Будды-Владыки ещё будет следующая жизнь. Ты спустишься вниз или нет? — спросил он.

Чётки, которые взял Бай Чао, были теми самыми, что ранее подарил Тань Чжан. Когда Цзи Цинбай превратился в душу-око, у него не было физического тела, и как ни старайся, вытащить их было невозможно.

Услышав, что будет следующая жизнь, Цзи Цинбай наконец прояснил сознание.

Он пребывал в форме души-ока слишком долго, целыми днями сторожил гробницу императора Цзинфэна, дни проходили в тумане, и он почти забыл о сроке реинкарнации Будды-Владыки.

Тань Чжан, проходящий испытания в Нижнем мире, подобно смертным, должен пройти через чертоги Царя Ямы, войти в Книгу Жизни и Смерти, выпить Суп госпожи Мэн. Единственное отличие — Алый лотос судьбы не властен над жизнью Будды-Владыки. Помимо страданий, Будда-Владыка может проживать свои дни как пожелает, и даже Бай Чао не может им управлять.

Цзи Цинбай очень хотел спуститься и снова стать супругом Тань Чжана на одну жизнь. Небесный журавль усмехнулся холодно и бесчувственно.

— Верховному богу лучше не соваться в эту суету, — Бай Чао снова принял облик журавля, стоя под алым лотосом, с кистью в клюве. — Завязать узы любви — значит пройти через испытание чувствами, вкусить горечь любви. Разве тебе не хватило страданий в прошлой жизни?

Бай Чао, видя колебания Цзи Цинбая, продолжил:

— Более того, ты заставил Будду-Владыку пережить разбитое сердце в двух жизнях. Когда он вернётся, разве ты не боишься, что он будет иметь к тебе претензии?

После такого напоминания Цзи Цинбай всё же немного испугался и в конце концов пошёл на компромисс:

— Тогда дай мне самую отдалённую идентичность, чтобы мы даже не были знакомы.

— ... — Бай Чао вздохнул. — А раньше ты говорил, что я могу подобрать тебе любую.

Лучше бы он об этом не вспоминал. Как только он заговорил, Цзи Цинбай помрачнел. Если бы не то, что ему ещё нужно было просить эту дохлую птицу, он, вероятно, тут же начал бы ругаться.

Стиснув зубы, Цзи Цинбай с ненавистью проговорил:

— На этот раз у меня много требований, не ленись.

Бай Чао...

Требования Цзи Цинбая и вправду были многочисленны: он хотел быть красивым, лучше всего таким же, как сейчас, тело должно быть здоровым и крепким, возраст не слишком юным — пятнадцать-шестнадцать лет не рассматриваются, должен выглядеть зрелым и степенным, и наконец, должен быть мужчиной, рядом с ним не должно быть никаких запутанных отношений, обязательно хранить тело в чистоте, непорочным и безупречным.

Кисть Повелителя Судеб Бай Чао остановилась на полпути. Он многозначительно взглянул на Цзи Цинбая и осторожно спросил:

— И всё? Больше требований?

Цзи Цинбай подумал и, не найдя, что добавить, с полной уверенностью ответил:

— Всё.

Бай Чао кивнул и равнодушно произнёс:

— Последнее немного сложно. Стечение обстоятельств я не могу контролировать. Печать Будды-Владыки безгранична, если он действительно захочет привязаться к тебе, я ничего не смогу поделать.

У Цзи Цинбая разболелась голова:

— Не будь вороном! Я ещё даже не спустился. Расположи наши связи как можно дальше. Неужели он сможет найти меня на краю света?

Бай Чао ничего не ответил, повертел кисть в руке:

— Помимо Будды-Владыки, есть ещё тот Златопламенный Огненный Феникс. Он всегда присутствует во всех шести мирах. После этого перерождения из пепла не исключено, что он снова начнёт тебя донимать.

Цзи Цинбай опешил и с любопытством спросил:

— Чем же я его обидел в прошлый раз? Долгом любви?

— Долгом любви? — Бай Чао насмешливо хмыкнул. — Ты должен ему жизнью, а не любовью. Долг любви ты должен лишь одному.

Цзи Цинбай только собрался спросить «кому?», но Бай Чао больше не стал с ним разговаривать. Клюв небесного журавля лёгко взмахнул, из кисти распустился лотос и, не дав Цзи Цинбаю опомниться, увлёк его, унося вглубь колеса судьбы.

Столица Цзинь, город Чаолинь. Говорят, это город, подобный опадающим цветам и текущей воде. Цветы — это магнолии на горе Туошань, а текучая вода — та самая улица Саньян в городе, с увеселительными заведениями и кварталами красных фонарей, чистыми куртизанками и цветочными гетерами, утренними песнями и ночными танцами, опьянением роскошью, каждую ночь полный галантных кавалеров, весенних страстей, переживаемых ночью, точно золотой ветер встречается с яшмовой росой, что превосходит бесчисленные мирские радости.

Жаль только, что у подножия горы царит такая безудержная страсть к чувственным наслаждениям, а на вершине — осеннее небо и ясное море, сердце свободно от мирских желаний.

Монахи в храме Туошань каждый день начинают с утренних чтений, не слушая за окном историй о персиковых цветах, их дни текут, как воды древнего колодца, без единой ряби. Цзи Цинбай стоял у входа в медитационный зал, глядя на пышно цветущие во дворе магнолии, и тяжело вздохнул.

Красивый — сейчас он и впрямь ничем не отличался от своего небесного облика: стройный и статный, изящный и благородный, словно чистый снег на горной вершине.

Тело здоровое и крепкое — колоть дрова, носить воду, выходить в поле и возделывать землю ему было под силу.

Возраст не юный — он был самым молодым настоятелем, главой храма Туошань, сорок два года, весьма зрелый и степенный.

Что касается хранения тела в чистоте, непорочности и безупречности...

Цзи Цинбай подумал: сейчас он даже питается только растительной пищей, разводит кур, уток, коров и собак, и ни одна из них не женского пола, собаки все ещё кастрированы...

Слишком жестоко. Цзи Цинбай не смог сдержаться и пролил две струйки чистых слёз на цветы. Как же я жесток к себе!

Настоятелю не нужно участвовать в утренних чтениях. Их горный храм мал, помимо него, как настоятеля, есть ещё два управляющих: один отвечает за практику и учёбу других монахов в храме, за приём паломников и буддийские службы, другой ведаёт внутренними делами — уборкой, хозяйством, земледелием и финансами. Цзи Цинбай был номинальным

руководителем, единственным лицом храма. Как говорил управляющий переднего зала, настоятель подобен высоким соснам и горным кипарисам, ясной луне и первому снегу — стоит настоятелю после полудня немного почитать сутры в Чертоге Безмерности, и все девушки Чаолия собираются в этом маленьком горном храме.

Цзи Цинбай не особенно замечал эту закономерность. Он лишь думал, что для смертного этот возраст несколько великоват.

Да и отсутствие волос тоже не слишком приемлемо.

Он подозревал, что Бай Чао так легко согласился неспроста.

И оказался прав.

В следующий раз видимо придётся добавить ещё больше условий и ограничений!

Но раз уж стал монахом на день, должен звонить в колокол весь день. Не может же он вдруг объявить, что возвращается в мир?

Цзи Цинбай сидел, скрестив ноги, в Чертоге Безмерности, размышляя то об одном, то о другом, совершенно не замечая, сколько людей вокруг на него смотрят.

Храм Туошань, хоть и был несколько известен в Чаолине, всё же был мал и малочислен, атмосфера храма не была столь процветающей, как в нескольких других государственных храмах. В последние годы внезапно наплыв верующих и постоянные подношения объяснялись именно этой бессмертной внешностью Цзи Цинбая.

Со стороны никто бы не поверил, что настоятелю храма Туошань уже за сорок. Неизвестно, то ли гора Туошань сохраняет молодость, то ли практикующие просто не стареют. Настоятель был строен, как сосна или бамбук, позвоночник прямой, лицо белое, как яшма, лоб высокий и полный. Сейчас он, опустив брови и глаза, читал сутры, длинные ресницы скрывали глаза, похожие на листья ивы, у внешних уголков глаз легла лёгкая морщинка, придавая оттенок романтической беззаботности.

Девушка напротив, посмотрев на него несколько раз, покраснела, осторожно приблизилась, словно боясь потревожить бессмертного, и тихо сказала:

— Настоятель Цинбай...

Цзи Цинбай всё ещё размышлял, как ненавязчиво найти Тань Чжана и помочь ему пройти испытание, не ввязываясь в отношения. Услышав, что его зовут, он медленно поднял голову и, разглядев человека, невольно улыбнулся:

— Что пожелает подательница?

Девушка, прижав руку к груди, не могла вымолвить ни слова.

Цзи Цинбай испугался, подумал, что с ней случился приступ, и поспешил позвать управляющего, занятого во внутреннем дворе.

Управляющий, ничуть не удивившись, велел маленькому послушнику проводить паломницу в боковой зал, чтобы она пришла в себя, и, глядя на Цзи Цинбая, вздохнул:

— Учитель, не стоит просто так улыбаться людям.

Цзи Цинбай моргнул. Он думал, что когда улыбается, выглядит старше, и смущённо произнёс:

— Неужели так уж некрасиво?

Управляющий едва не закатил глаза до лба.

У Цзи Цинбая действительно не было опыта быть настоятелем. Помимо пребывания в Чертоге Безмерности и созерцания бронзовой поддельной статуи его Будды-Владыки, он ходил на заднюю гору и вместе с кучкой маленьких послушников возделывал поля и разводил кур.

Два управляющих хоть и не управляли им, но чрезвычайно уважали его отношение погружённости в буддийскую практику.

<http://bllate.org/book/15582/1387615>